



## ВЪ ДОЛИНАХЪ РѢКЪ ХИНГОУ И АРЗЫНГА.

Путевые очерки по Восточной Бухарѣ.

(Окончаніе) <sup>1)</sup>.

### Глава VII.

Пикъ Гармо.—Ледникъ Федченки.—Мятель.

 утро день былъ ясный и солнце освѣшало своими лучами верхушки и склоны горъ. Высота была уже очень значительная. Внизу виднѣлся кишлакъ Пашемгаръ, являвшійся послѣднимъ населеннымъ нунктомъ въ бассейнѣ рѣки Арзынга, ограниченномъ въ этихъ мѣстахъ почти недоступными горами страшной высоты. Хребетъ Петра Великаго виднѣлся своими огромными снѣговыми горами, закрывая сѣверъ, а съ юга тянулся снѣговой же Мазарскій хребетъ.

Судя по количеству воды въ Арзынгѣ, видно было, что эта рѣка образовалась изъ нѣсколькихъ рѣкъ.

<sup>1)</sup> См. «Военный Сборникъ», № 3.

Въ верховьяхъ главнымъ притокомъ, вливавшимся съ сѣверо-востока, была рѣка Гармо, берущая начало съ горы того же имени, на которой находились огромные ледники.

— Дальше, тюра, туда идти нельзя, сообщилъ одинъ изъ проводниковъ, указывая по направленію извилистаго ущелья, по которому протекала Гармо. Тамъ нѣтъ никакой тропы; люди никогда не ходили по тѣмъ крутымъ горамъ съ вѣчными снѣгами. Одинъ изъ нашихъ людей хотѣлъ подняться и перейти черезъ снѣговья горы на другую сторону, гдѣ протекаетъ рѣка Баландъ-Кіикъ, но только ушелъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а не вернулся до сихъ поръ. Ѣздили наши люди потомъ изъ Каратегина по рѣкѣ Мукъ-Су, спрашивали тамъ про него, но никто ничего не слыхалъ и всѣ сказали—нельзя перейти здѣсь черезъ горы. Кто пошелъ тотъ нашелъ тамъ свою смерть. И ты не ходи, тюра. Духъ горъ не допуститъ никого на эти вершины.

— Былъ также нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ урусъ, который хотѣлъ осмотрѣть наши горы, но онъ побывалъ лишь около нижнихъ вершинъ, подтвердилъ другой проводникъ.

Пройдя еще немного по головоломной тропѣ, мы наконецъ вынуждены были остановиться и слѣзть съ лошадей, оставивъ ихъ и рѣшивъ съ небольшимъ запасомъ продовольствія пройти пѣшкомъ, сколько возможно по направленію пика Гармо, бѣлѣвшаго своей снѣговой шапкой.

Шла мелкая крупа, покрывшая всю землю бѣлымъ покровомъ, и лишь камни мѣстами чернѣли на бѣломъ фонѣ.

Выбирая отлогія мѣста, мы постепенно поднялись выше, войдя въ полосу вѣчныхъ снѣговъ.

Огромные ледники открывались передъ нашими глазами, представляя собою полярную страну, покрытую глубокими снѣгами и глыбами льда. Стаявшій раньше снѣгъ видимо впослѣдствіи подмерзъ, а потому движеніе по этой твердой ледяной корѣ не представляло затрудненій. Лишь изрѣдка, попадая въ расщелины, ноги проваливались и тогда приходилось выбираться вновь на твердое мѣсто; то идя по ровной покатости горнаго склона, то влѣзая съ усиленіемъ на высокіе уступы, мы поднялись уже на высоту 11/12 тысячъ фут., гдѣ и пришлось остановиться на отдыхъ, такъ какъ ноги мучительно болѣли и все тѣло требовало покоя.

Закусивъ консервами и хлѣбомъ и выпивъ по стакану вина, мы легли на снѣгу и скоро возстановили свои силы.

Широкая терраса оканчивалась у подошвы зубчатого хребта и самыя вершины отливали серебрянымъ блескомъ.

Иногда дорогу пересѣкали глубокия и широкія трещины, которыя приходилось обходить далеко вокругъ, совершенно неожиданно натыкаясь на бездонныя пропасти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для ускоренія движенія мы сѣли на куски льда и быстро спустились на этихъ импровизированныхъ салазкахъ на дно глубокихъ расщелинъ, откуда цѣпляясь за выступы приходилось съ трудомъ вылѣзть на противоположную сторону.

Прямо передъ нами открывался ледникъ Федченко и поднимался остроконечный Гармо, а немного сѣвернѣе, повидимому, лежалъ переваль въ долину рѣки Баяндъ-Кинъ.

Небольшія пушинки снѣга, падавшія съ утра, придавали красоту полярной картинѣ, но съ половины дня поднялся сѣверный вѣтеръ, понесшій снѣговыя тучи. Снѣгъ пошелъ сильнѣе и черезъ полчаса вокругъ насъ уже выла и стонала зимняя мятель, закрывшая плотною завѣсою всѣ окрестности и не дававшая возможности видѣть даже на небольшомъ разстояніи.

— Однако, дѣло плохо, надо остановиться въ какой-нибудь ложбинкѣ, промелькнула у меня мысль и, преодолевая вой вѣтра, я крикнулъ доктору, указывая на выступъ скалы, поднимавшейся невдалекѣ и могущей защитить отъ холоднаго вѣтра.

Черезъ минуту мы уже прилегли за закрытіемъ, накинувъ башлыки на головы и кутаясь въ брезентныя полотнища палатки.

— Придется отсиживаться, пока не кончится мятель, прокричалъ докторъ, нагибаясь ко мнѣ. Идти теперь—значить погибнуть навѣрняка. И не замѣтишь, какъ полетишь въ какую-нибудь трещину.

Я съ нимъ согласился и невольно пожалѣлъ, что мы не послушались совѣта горцевъ и рискнули искать прохода въ горахъ тамъ, гдѣ никто изъ людей не могъ пройти.

Наметая около насъ сугробы снѣга, выла мятель, то съ рѣзкимъ свистомъ проносясь надъ нами, то съ глухими стопами отзываясь въ ущельяхъ. Порою въ вышинѣ ясно слышались голоса, переходившіе въ громкіе крики.

Этотъ ужасный концертъ подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на нервы. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, мы подъ брезентомъ, на который выпалъ порядочный слой снѣга, чувствовали

теплоту и лишь боязнь, что насъ можетъ занести снѣгомъ, заставляла насъ поочередно подниматься и этимъ движеніемъ сбрасывать навалившуюся гряду снѣга.

Сколько времени уже продолжалась мятель трудно было опредѣлить; попытки зажечь спичку оказались неудачными. Приходилось запастись терпѣніемъ и ожидать конца непогоды.

Иногда вѣтеръ стихалъ и наступала жуткая тишина, но затѣмъ, будто желая наверстать потерянное время, съ новою силою поднимались стоны мятели.

Постепенно промежутки тишины дѣлались все больше и больше и наконецъ вѣтеръ стихъ совершенно, а вмѣстѣ съ этимъ пересталъ идти снѣгъ.

Сбросивъ съ себя толстый слой наметеннаго сугроба, мы выльзали на свѣтъ Божій. Тучи пронеслись и снова передъ нами открылся полярный пейзажъ.

Ощупывая почву палками, мы все же взяли направленіе на перевалъ и, дойдя до конца равнины, съ большимъ трудомъ стали подниматься на послѣдній склонъ горъ, оканчивавшійся остроко-нечными вершинами.

Цѣпляясь руками за шероховатости въ снѣгу, на четверенькахъ удалось намъ подняться наконецъ на гребень, откуда рассчитывали по другую его сторону увидѣть долину рѣки Баляндъ-Кіикъ, но въ нашихъ ожиданіяхъ насъ постигло полное разочарованіе, такъ какъ по другую сторону хребта виднѣлся лишь крутой склонъ и такая же снѣговая равнина, примыкавшая къ слѣдующему снѣговому хребту, протянувшемуся параллельно нашему. Далѣе весь горизонтъ былъ покрытъ снѣговыми же горами, поднимавшимися одна выше другой.

— Волей-неволей надо идти назадъ, такъ какъ двигаться совершенно налегкѣ на другую сторону горъ было бы безуміемъ, рѣшилъ я, обращаясь къ доктору.

— Это вѣрно, безъ запаса продовольствія далеко не дойдешь.

— Да и въ сущности здѣсь мы наглядно убѣдились, что перевала для сообщенія между рѣчными системами Арзынга и Мукъ-Су не существуетъ, а частью пройденный нами даже и мѣстными жителями считается непроходимымъ.

Спускъ былъ легче подъема. Почти все время спускались мы сидя и лишь порою, быстро скатившись съ вышины, увязали въ глубокомъ снѣгу.

Только что окончившаяся мятель покрыла всѣ камни ровнымъ

бѣлымъ слоемъ и мы, нѣсколько разъ теряя правильное направле-  
ніе, съ трудомъ добрались до начала ледника, по которому стали  
спускаться внизъ, лавируя между глубокими трещинами.

Не раньше, какъ часа черезъ два, передъ нами открылся ниж-  
ній край ледника, изъ котораго вырывалась шумная многоводная  
рѣка, образовавшаяся отъ таянія льдовъ, гдѣ-то гораздо выше, но  
закрытая ледяною корою, она была незамѣтна. Почти отвѣсная  
стѣна зеленовато-прозрачнаго льда, съ гротомъ внизу, изъ кото-  
раго вытекала рѣка, была поразительно красива.

Какъ будто для того, чтобы дать вполне оцѣнить красоту этого  
мѣста, изъ-за тучъ выглянуло солнце и косыми лучами освѣтило  
льды, заглянувъ въ глубину ущелій и заискрясь на замерзшихъ  
ледяныхъ сосулькахъ.

Мы съ невольнымъ восхищеніемъ остановились передъ этимъ  
чуднымъ видомъ, долго наблюдая измѣнившійся цвѣтъ льда и снѣга,  
пока солнце не спряталось за тучи.

Съ большими предосторожностями мы наконецъ добрались до  
впадины, въ которой остались наши лошади и люди, разведшіе  
костеръ, чтобы мы не сбились съ дороги. Было уже совершенно  
темно, когда мы подошли къ стоянкѣ.

Одинъ изъ проводниковъ встрѣтилъ насъ восклицаніемъ:

— Слава Аллаху — тюры живы, а мы уже хотѣли ѣхать къ  
шаху сказать ему, что надо искать. Когда поднялся буранъ, мы  
сразу узнали, что духъ горъ не пустить перейти на другую сто-  
рону, такъ какъ здѣсь никогда и никто изъ людей не ходитъ.

— Слава Аллаху—тюры живы!

---

## Глава VIII.

По рѣкѣ Сатыргу.

Потерпѣвъ неудачу найти переваль въ верховьяхъ рѣки Гармо,  
мы направились обратно, наводя справки о выходахъ изъ долины  
Арзынга.

Узнавъ, что можно пройти по рѣкѣ Сатыргу, притоку Арзынга,  
а затѣмъ черезъ переваль Сатыргъ въ долину рѣки Ванча, рѣшили  
попробовать преодолѣть этотъ трудно доступный переваль, по ко-

торому изрѣдка рискуютъ переходить по нуждѣ горцы здѣшнихъ мѣстъ.

Спускъ къ кишлаку Арзынгу былъ значительно легче подъема, хотя мѣстами крутизны открывавшейся тропы заставляли придерживать лошадь, но затѣмъ вспоминалась неизбежность съѣхать еще съ безчисленнаго ряда горъ, въ силу чего, лишь подтянувъ поводья и откинувшись совершенно на спину, а иногда почти ложась на крупъ лошади, мы съѣзжали одинъ за другимъ.

Лошади шли увѣренно и эти высоты съ открывающимися пропастями не производили на нихъ никакого впечатлѣнія, а, напротивъ, какъ будто вызывали особое желаніе идти по краю обрыва. Лишь въ одномъ мѣстѣ, гдѣ тропинка вилась по крутому склону горы, пролегая черезъ осыпь мелкой гальки, осыпавшейся подъ ногами, пришлось слѣзть и пройти это опасное мѣсто нѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу.

Камни, сдвигаясь и увлекая за собою другіе, падали внизъ, съ громкими всплесками исчезая въ мутныхъ волнахъ рѣки, протекавшей на нѣсколько десятковъ сажень подъ нами. Какъ-то невольно прерывалось дыханіе и каждый изъ насъ ясно слышалъ усиленный стукъ своего сердца.

Цѣлый рядъ небольшихъ, но бурныхъ рѣчекъ съ шумомъ вливали свои воды въ Сатыргъ, беря начало въ вышележащихъ по обѣимъ сторонамъ ледникахъ.

Рѣки: Сикать, Богуть, Бурса, Бурны, Сугдунъ, Сафитдокъ, Вангутъ впадаютъ съ правой стороны, а Горасконъ, Даронталь съ лѣвой, снося вмѣстѣ съ водою массу глины и камней.

Въ періодъ небольшого таянія снѣговъ въ серединѣ лѣта количество воды въ этихъ рѣкахъ значительно увеличивается и переходъ черезъ нихъ сопряженъ съ большимъ рискомъ быть снесеннымъ быстрымъ теченіемъ.

Красивую картину представляютъ собою мѣстами берега рѣки. Изрѣзанная водою почва представляетъ собою безчисленный рядъ узоровъ, фигуръ, арабесокъ, соединенныхъ прихотью природы въ одинъ общій до нельзя сложный рисунокъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ высоты виднѣлись обработанныя поля, а немного ниже ихъ открывались оставшіеся позади кишлаки Накъ, Тишкъ, Рога, Даронталь, Мадинъ и Арзынгъ.

Живя въ этихъ глухихъ горныхъ мѣстахъ, жители почти не имѣютъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ и большинство изъ нихъ даже главный городъ бекства Гармъ знаетъ лишь понаслышкѣ.

Выше Пашемгара уже не было ни одного селенія и начиналось полное безлюдье. Мрачное ущелье, по которому протекала рѣка, было сжато съ обѣихъ сторонъ надвинувшимися горами. Характеръ всей картины былъ дикъ и въ то же время подавлялъ своею грандіозностью.

Слѣдовъ людей нигдѣ не было видно. По едва замѣтной тропинкѣ мы подвигались впередъ и съ большими затрудненіями преодолевали значительныя крутизны, на которыхъ приходилось слѣзать и подниматься вверхъ, держась за хвостъ лошадей, такъ какъ лошадь со всадникомъ идти была не въ силахъ. Осыпи чередовались съ камнями, черезъ которые лошади шли крайне неохотно.

Уже передъ нами выдвигался ледникъ Бурсы, огромная масса льда котораго давала начало рѣкѣ Сатыргу. Держась края ледника, съ огромными усиліями мы поднялись на высокій подъемъ, часто слѣзая и ведя лошадей въ поводу. Нѣсколько разъ положенія были настолько рискованными, что, казалось, не минуешь катастрофы, когда въ грудахъ валуновъ какая-нибудь изъ лошадей падала.

— Ничего, тюра, скоро перейдемъ это нехорошее мѣсто, утѣшалъ насъ проводникъ; немного осталось, здѣсь люди ходятъ изъ Ванча. Не больше, какъ мѣсяць открытъ переваль, а въ остальное время года онъ всегда занесенъ снѣгами и пройти черезъ него бываетъ нельзя; переваль же называется Сатырга.

Мы находились на высотѣ тысячъ двѣнадцати футовъ. Бѣлыя шапки снѣговыхъ горъ окружали горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Ниже, извиваясь, лежала долина Дашти-Бурсы, а выше открывался переваль Сатырга, за которымъ находилась долина рѣки Ванча и лежалъ кишлакъ Кала-Ванчъ-Рухаръ.

Оставя лошадей и поднявшись пѣшкомъ на самую высокую точку перевала, достигавшую высоты 15 тысячъ футовъ, мы увидѣли лишь безконечную панораму снѣговыхъ горъ Мазарскаго и Бартаво-Азгулемскаго хребтовъ. Самой же долины рѣки Ванча не было видно за слѣдующими меньшими перевалами, отъ которыхъ насъ отдѣляла широкая съ отвѣсными стѣнами огромная трещина, въ видѣ пропасти.

— Такимъ образомъ, вся долина рѣки Хингоу и ея притоковъ пройдена отъ устьевъ до верховьевъ, заговорилъ докторъ, а дальше выхода снова нѣтъ. Трудненько было, но все-таки мы можемъ себя утѣшить тѣмъ, что остались живы, да и посѣтили такія мѣста, гдѣ было не больше двухъ, трехъ европейцевъ, а, вѣроятно, кое-гдѣ

наши ноги были первыми, перешедшими нѣкоторыя горы. Идти назадъ тою же дорогою уже не такъ интересно.

— Вы правы: здѣсь были Федченко, Липскій, Бобринскій и, кажется, никто больше. Что же касается обратной дороги, то постараемся сократить время охотою.

Спустившись съ горъ и дойдя до кишлака Лянгара, мы снова устроили дневку, чтобы отдохнуть самимъ и дать лошадямъ опраться послѣ цѣлой недѣли трудной работы.

Сидя около огня, мы цѣлый день провели снова во дворѣ стараго шаха, вспоминая пройденную дорогу и стараясь узнать все интересное, что касалось здѣшной горной страны.

— Благополучно ли было путешествіе, тюръ? И не чувствуетъ ли кто-либо изъ нихъ нездоровья послѣ тяжелаго странствованія по нашимъ горамъ? задалъ вопросъ шахъ, встрѣтивъ насъ, какъ уже старыхъ хорошихъ знакомыхъ. А я уже нѣсколько разъ посылалъ людей къ Арзынгу узнать, не случилось ли чего съ ними. Бекъ изъ Гарма прислалъ также Мирахура, указалъ онъ на подошедшаго къ намъ пожилого узбека. Горы опасны и легко можетъ что-нибудь случиться на ихъ высотахъ. Лишь тотъ, кто часто призываетъ Аллаха или вспоминаетъ имя святого Хызра можетъ не бояться несчастья.

— Это вѣрно, отецъ! Святой Хызръ все можетъ сдѣлать, а Аллахъ предохраняетъ вѣрующаго во всѣхъ случаяхъ, подтвердилъ Мирахуръ, садясь рядомъ съ шахомъ на кошмѣ.

— Святой Хызръ можетъ мертвыхъ воскресить, больныхъ исцѣлить, слѣпымъ дать зрѣніе. Знаю, тюра любить слушать, а я ему сейчасъ расскажу одну исторію, изъ которой онъ увидитъ, какъ велико милосердіе и могущество св. Хызра.

— Давно, очень давно на широкихъ долинахъ, лежащихъ за нашими горами въ сторону Заравшана, находилось царство кефировъ. Я не знаю, тюра, какіе это были кефиры, но только ихъ ханъ ходилъ въ Бухарь-хану и тамъ поклонялся разнымъ идоламъ, которыхъ считалъ за боговъ. Не зналъ онъ корана и поэтому былъ большою грѣшникъ.

Сотни молодыхъ и красивыхъ женъ и наложницъ увеселяли его взоры и отъ нихъ онъ имѣлъ много дѣтей, изъ которыхъ мальчиковъ бралъ себѣ въ бачи, а самыхъ красивыхъ дѣвушекъ дѣлалъ своими наложницами. И всѣ они не знали, что Аллахъ ихъ можетъ наказать за это, потому что были кефиры.

Одна изъ его дочерей Малика-Дальборомъ была красивѣе всѣхъ

остальныхъ и отличалась добротою и мудростью. Захотѣлъ Аллахъ спасти ее отъ поруганія и явился ей однажды во снѣ пророкъ Магометъ—печать всѣхъ пророковъ. Открылись тогда передъ нею врата разумѣнія и на другой день, проснувшись, послала она за муллою и приняла исламъ.

И стала Малика съ тѣхъ поръ удаляться отъ своихъ подругъ, проводя все время въ размышленіяхъ и молясь Аллаху.

Рано однажды поднялся ханъ и, гуляя по своимъ садамъ, увидѣлъ стоявшую на молитвѣ красавицу—Малику-Дальоромъ. И такъ былъ пораженъ его взоръ ея красотой, что захотѣлъ ханъ сейчасъ же взять красавицу себѣ въ жены.

Но помнила Малика о грѣхѣ и, упавъ хану въ ноги, отказалась исполнить его желаніе, объявивъ, что она приняла мусульманство и не можетъ согласиться совершить такое ужасное кровосмѣшеніе, которое запрещено шаріатомъ.

Разсердился тогда ханъ и приказалъ мучить Малику до тѣхъ поръ, пока она не покорится его желанію.

Много у хана было усердныхъ и преданныхъ слугъ—кинулись они исполнять приказаніе своего повелителя. Жгли бѣдную Малику огнемъ, вѣшали ее за ноги, давали дикимъ звѣрямъ, тиграмъ и барсамъ, на растерзаніе, но говорила въ это время Малика стихъ корана и угасалъ огонь, покорно ложились звѣри и не было вреда ея прекрасному тѣлу.

Тогда приказалъ ханъ отвезти непокорную въ пустыню, гдѣ она должна будетъ погибнуть отъ зноя, голода и жажды.

И здѣсь не оставилъ Аллахъ правовѣрную.

Проходилъ мимо караванъ одного благочестиваго ходжи, поднялъ ее и повезъ къ себѣ.

Ослѣпила красота Малики сына ходжи и захотѣлъ онъ также овладѣть ея тѣломъ. И задумалъ онъ исполнить свое намѣреніе не далеко отъ начала горъ.

Но стала молиться красавица Милосердному и превратилъ тогда Аллахъ сына ходжи со всѣми слугами и верблюдями въ камни, а Малика скрылась въ горахъ, гдѣ долго блуждала, пока не встрѣтилась съ бывшимъ на охотѣ могущественнымъ ханомъ, царство котораго находилось невдалекѣ.

Былъ этотъ ханъ правовѣрный и поэтому, когда онъ захотѣлъ взять Малику себѣ въ жены, не могла она отказаться отъ этого по шаріату. Да и ханъ былъ молодъ и красивъ.

А въ это время отецъ Малики-Дальоромъ, покоренный ея красотою, не могъ найти себѣ мѣста отъ начавшейся тоски.

Хотя и приказалъ онъ бросить Малику въ пустыню, но сейчасъ же раскаялся, что это сдѣлалъ и, бросивъ свое царство, пошелъ отыскивать прекрасную дѣвушку, унесшую съ собою его сердце.

Увидѣлъ онъ однажды въ сосѣднемъ царствѣ новую ханшу Дальоромъ и узналъ въ ней свою дочь, къ которой влекла его страсть. Взошелъ онъ въ милость къ хану и скоро сдѣлался самымъ главнымъ Кушъ-Беги.

Часто выѣзжалъ ханъ въ дальніе походы и оставлялъ тогда своихъ женъ подъ надзоромъ новаго своего Кушъ-Беги, которому вѣрилъ во все.

Но не умолкала страсть и захотѣлъ Кушъ-Беги воспользоваться отсутствіемъ хана и, придя къ ханшѣ, сталъ снова добиваться ея любви, угрожая, что погубить ее въ глазахъ мужа, если она не согласится.

Но не испугалась красавица и отказалась совершить два тяжкихъ грѣха—кровосмѣшеніе и измѣну мужу. Не могла съ этимъ примириться злая душа Кушъ-Беги. Лишь вернулся ханъ изъ похода, какъ обвинилъ онъ ханшу Дальоромъ въ измѣнѣ. Не могла найти свидѣтелей ханша—всѣхъ подкупилъ всемогущій Кушъ-Беги. Повѣрилъ ханъ и приказалъ отрубить красавицѣ ноги и руки и бросить ея грѣшное тѣло въ пустынь на съѣденіе дикимъ звѣрямъ.

Лежала ханша въ пустынѣ, истекая кровью, и молила Аллаха о помощи.

И услышалъ ее Милосердный. Сошелъ въ пустыню святой Хызра, собралъ отрубленные части тѣла, сложилъ ихъ вмѣстѣ, и встала красавица еще красивѣе, чѣмъ была раньше.

Поселилась тогда она въ горахъ и стала исцѣлять силою исходящей отъ нея всѣхъ больныхъ, которые къ пей обращались и по всему царству разнеслась слава о ея благочестіи и чудесахъ. И дошли эти слухи до ушей самого хана, тосковавшаго много лѣтъ по своей молодой, но невѣрной женѣ.

Поѣхалъ онъ къ святой, чтобы услышать отъ нея слово утѣшенія въ сонрожденіи одного лишь Кушъ-Беги безъ всякой свиты.

Узнала ихъ Дальоромъ, несмотря на то, что время провело на ихъ лицахъ много морщинъ, а долгій рядъ зимъ запушилъ ихъ

бороды бѣлизною снѣга. Каждому она сказала тайну, о которой никто не зналъ, а Кушъ-Беги, кромѣ того, напомнила всѣ совершенныя имъ грѣхи въ теченіе его жизни, а главное грѣхъ передъ дочерью Маликою-Дальоромъ.

Упалъ Кушъ-Беги ей въ ноги и сталъ просить святую, чтобы вымолила она ему прощеніе у Аллаха, а затѣмъ, поднявшись, возгласилъ славу Милосердному.

«Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета пророка, его».

Открыла тогда святая свое имя и, по просьбѣ своего мужа, вернулась домой, гдѣ жила много лѣтъ, славя святого Хызра.

---

## Г л а в а IX.

По долинь рѣки Хингоу.—Разсказъ о кокандскомъ ханѣ.

Дорога до Гарма прошла незамѣтно.

Стаи куропатокъ, поднимавшіяся каждую минуту, крупные улары, лѣнливо перелетавшіе на нѣсколько сажень и снова садившіеся въ долинь, заставили вспомнить, что мы уже давно не пробовали пернатой дичи. Нѣсколько выстрѣловъ и лошади оказались увѣшанными трофеями охоты, обѣщавшими роскошный обѣдъ.

— Бойня какая-то, ворчливо заговорилъ докторъ, вѣшая свою двустволку за плечи. Никакого интереса не представляетъ здѣшняя охота на птицу, благодаря слишкомъ большому ея количеству. Пробоваль ѣздить на Пянджу на утокъ и гусей, но также бросилъ. Подумайте сами: пріѣхали мы съ Захаромъ Ивановичемъ на постъ Караулъ-Тюбе, и пока я разсматривалъ людей, онъ сѣлъ за камнями и сталъ стрѣлять по уткамъ, плававшимъ по озеру противъ поста и, что вы думаете? Я черезъ полчаса вышелъ, а онъ уже собиралъ при помощи солдатъ убитую птицу: оказалось сто десять утокъ. Помню онъ колбасы изъ утокъ дѣлалъ, а солдаты такъ прямо не ѣдятъ этой дичи, надоѣла... Весною на отмеляхъ и по островамъ человѣка два пойдутъ и въ какой-нибудь часъ времени до тысячи яицъ утиныхъ и гусиныхъ насобираютъ. Только еще пожалуй на лебедей въ зимнее время интересно поохотиться; все-таки птица осторожная и къ ней не такъ-то легко подойдешь, какъ къ этимъ глупымъ уткамъ, у которыхъ ума столько

же, сколько у нашихъ домашнихъ индюшекъ. А на нерелетѣ какъ появятся туртушки, да стрепета, дрофа, вездѣ видишь тысячныя стайки и за ружье взятыя пропадаетъ всякое желаніе.

— Это вы правильно. Мнѣ также часто приходилось участвовать въ здѣшнихъ охотахъ и я также къ нимъ потерялъ почти всякій интересъ. Фазановъ у себя въ саду стрѣлялъ, кабановъ можно лѣтомъ и осенью въ каждую лунную ночь на пшеничныхъ и рисовыхъ поляхъ по нѣскольку штукъ убить. А джерановъ, когда они утромъ или вечеромъ идутъ на водою къ Пянджу, даже стрѣлять не хочется, до того они смѣло относятся къ человѣку, подпускающая чуть не на десятокъ сажень.

Какъ бы въ подтвержденіе нашего разговора навстрѣчу намъ попалось нѣсколько верховыхъ таджиковъ, увѣшанныхъ связками куропатокъ и какой-то другой птицы, видимо составлявшихъ трофеи недавней охоты.

— Однако, какимъ же образомъ они настрѣляли? Ружей-то у нихъ нѣтъ, спросилъ докторъ.

— Да, тюра, это они безъ ружей. У насъ здѣсь порохъ очень дорогъ, подтвердилъ одинъ изъ проводниковъ. Они ѣздили осматривать свои силки, которые поставили съ утра въ разныхъ мѣстахъ по склонамъ горъ и около хирмановъ<sup>2)</sup>, гдѣ молотятъ осенью хлѣбъ; тамъ всегда прилетаетъ много птицы, чтобы полакомиться упавшимъ зерномъ.

— А какое зерно здѣсь сѣютъ?

— Мы сѣемъ горохъ, пшеницу, чечевицу, ленъ, а въ долинахъ немного хлопка, у кого есть низкія мѣста. Къ Гарму тамъ воздѣлываютъ еще кукурузу, кунжутъ и ячмень.

Рѣка Хингоу дѣлалась все многоводнѣе, съ шумомъ неся свои волны въ Кизиль-Су. То образуя небольшія долнины, то тѣсно сжатая горами, масса воды мѣстами прорывалась сквозь темныя гряды скалъ и, съ ревомъ перекатываясь черезъ нихъ и образуя водоворотъ, выносила далѣе клочья грязноватой пѣны, покрывавшіе воду.

— Рыбы въ этой рѣкѣ, повидимому, много, нарушилъ снова молчаніе докторъ, указывая на небольшую заводь, сквозь зеленовато-прозрачную поверхность которой виднѣлась масса довольно крупной рыбы, игравшей на солнцѣ.

<sup>2)</sup> Хирманъ — токъ для молотбы.

— Ну-ка, Ахметь, давай-ка сѣтку; попробуемъ половить, уже черезъ минуту рѣшилъ онъ, слѣзая съ лошади и привязывая еекъ жусту боярышника. Я послѣдовалъ его примѣру.

Поставивъ въ узкомъ рукавѣ рѣки сѣтку и ударяя палками по водѣ выше по теченію, мы спустя полчаса вытащили десятка три серебристыхъ, бившихся въ сѣткѣ, крупныхъ форелей и маринокъ.

— Вотъ раздолье-то для рыболова и охотника! восторгался почтенный эскулапъ. Вечеромъ сваримъ уху, облизнулся онъ въ предвкушеніи вкуснаго ужина. Надоѣли эти консервы да шловы.

— Надо пользоваться случаемъ, добавилъ я ему въ тонъ.

— Это вы вѣрно. Давайте-ка тутъ же ихъ выпотрошимъ, подсолимъ слегка и тогда въ ту же сѣтку завернемъ—до вечера не испортятся.

Соскобливъ серебристую чешую и вынимая внутренности, докторъ все это продѣлалъ съ изумительною аккуратностью, будто дѣлалъ серьезную операцію.

— Хорошо, тюра, рѣжетъ, одобрилъ его Ахметь. Вотъ когда-нибудь моей лошади надо ноздри рѣзать, тебя попрошу, рука у тебя легкая.

— Зачѣмъ же нужно ноздри рѣзать, вѣдь только лошадь этимъ испортить?

— Нѣтъ, тюра, это нужно; лошадь тогда дышетъ легко и много скакать на ней можно. Вотъ другое дѣло губы у лошади рѣжутъ въ шутку — это не хорошо. Есть такіе люди, что любятъ такъ пошутить. У насъ рассказываютъ про кокандскаго хана Алимъ-хана. Тотъ такъ тоже любилъ шутить.

Одинъ разъ ѣхалъ онъ съ однимъ муллою Ходжей-султаномъ, который при немъ давно служилъ и очень умный человекъ былъ. Приѣхали въ одно мѣсто на обѣдъ. Пока всѣ обѣдали, приказалъ ханъ у лошади муллы губы разрѣзать, чтобы посмѣяться надъ старымъ, а у лошади тогда такой видъ дѣлается, какъ будто она сама смѣется надъ людьми.

Но только Ходжи-султанъ замѣтилъ во-время эту продѣлку. Ушелъ онъ потихоньку отъ обѣда, отрѣзалъ у самаго лучшаго жеребца, на которомъ приѣхалъ ханъ, весь хвостъ и вернулся назадъ какъ ни въ чемъ ни бывало.

Когда нужно было уѣзжать, подали всѣмъ лошадей, а ханъ и спрашиваетъ муллу Ходжу-султана:

— Отчего это, мулла, твоя лошадь смѣется?

А мулла посмотрѣлъ на свою лошадь и на людей, что стояли вокругъ и готовы были его на смѣхъ поднять, посмотрѣлъ также на хана, да и говорить:

— Смѣется моя лошадь, милостивый ханъ, оттого, что видить, какой у твоей лошади удивительный видъ.

Какъ посмотрѣли тогда люди на ханскую лошадь, такъ всѣ разомъ разсмѣялись и ханъ съ ними вмѣстѣ, потому лошадь хана очень бѣзобразна стала.

Перехитрилъ его умный мулла. Нѣкоторое время мы ѣхали молча, невольно въ душѣ смѣясь надъ одураченнымъ ханомъ, а находчивость муллы завоевала невольную симпатію.

Бусты гранатника покрывали склоны горъ и сквозь ихъ зеленую листву виднѣлись крупные красные плоды, сгибавшіе тонкія вѣтви до земли. Немного далѣе виднѣлись куртины дикихъ грушъ, также покрытыя плодами.

— Да, тюра, черезъ нѣсколько минутъ снова заговорилъ Ахметъ. Умный былъ мулла, но только все же не было умнѣе на свѣтѣ муллы Насръ-Эддина-ходжи изъ Самарканда. Тотъ зналъ все на свѣтѣ и даже великій Тимуръ-ханъ его слушался.

Люди говорятъ: однажды пришли въ Самаркандъ ученые муллы изъ Хитая и такіе умные, что никто изъ мударисовъ и казіевъ не могъ съ ними сравняться въ мудрости. Узналъ объ этомъ Тимуръ-ханъ и захотѣлъ онъ, чтобы они приняли исламъ и остались бы въ Самаркандѣ.

Приказалъ ихъ позвать къ себѣ и обѣщалъ тотчасъ же сдѣлать каждому изъ нихъ казіемъ, если они возгласятъ хвалу Милосердному. Но чужестранцы не хотѣли измѣнять вѣрѣ своихъ предковъ и сказали:

«Мы сдѣлаемся, великій ханъ, правовѣрными только тогда, когда самые мудрые изъ твоихъ ученыхъ людей покажутъ намъ свою мудрость и ничтожность нашихъ знаній, для чего мы и зададимъ имъ по одному вопросу, а если они не отвѣтятъ, то всѣ люди должны принять нашу вѣру».

Согласился на это Тимуръ-ханъ и сейчасъ же велѣлъ собрать всѣхъ мударисовъ, улемовъ и казіевъ.

Собрались всѣ они, но не могли отвѣтить на вопросы чуже-

странцевъ, о чемъ и доложили хану, говоря, что никто въ мірѣ, за исключеніемъ мудраго ходжи Насръ-Эддина не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ.

Разсердился тогда на нихъ ханъ и очень встревожился— боялся, что придется чужую вѣру принимать, но тотчасъ же приказалъ позвать Эддина. Привели его съ почетомъ во дворъ хана и поставили передъ лицомъ повелителя.

Тогда стали чужіе люди задавать ему вопросы, а всѣ правовѣрные смотрѣли на него съ большимъ страхомъ, повѣсивъ уши на гвоздь вниманія и боясь за его мудрость.

Вышелъ первый чужеземецъ и спросилъ:

— Скажи, о ходжа, гдѣ середина земли; ты, навѣрное, знаешь, премудрый?

Ни на минуту не задумался ходжа, воткнулъ свою палку въ землю и говорить:

— Здѣсь!

Удивился чужеземецъ, но снова спрашиваетъ:

— Почему же ты знаешь это, ходжа?

А ходжа ему въ отвѣтъ:

— Измѣрь отъ этой палки во всѣ стороны землю и, если хоть одна будетъ длиннѣе, то, значить, я не правъ.

Вышелъ тогда другой чужеземецъ и спросилъ:

— Скажи, премудрый отецъ: сколько звѣздъ на небѣ? Ты вѣдь все знаешь.

— Да, это такъ, ты не ошибся. Ихъ столько же, сколько шерстинокъ въ шкурѣ вотъ того животнаго, указалъ онъ на ишака, стоявшаго невдалекѣ. Сосчитай сначала шерстинки, а потомъ звѣзды. Если ихъ окажется больше, то я сказалъ неправду.

Увидѣли всѣ люди какую мудрость вложилъ Аллахъ въ голову стараго ходжи и всѣ воскликнули:

— Аллахъ, Акбаръ! И нѣтъ мудрѣе на всемъ свѣтѣ ходжи Насръ-Эддина.

А чужіе люди тутъ же приняли исламъ, возгласивъ: «Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета печати пророковъ». И сдѣлались мюридами ходжи.

Въ долинахъ, по мѣрѣ приближенія къ Гарму, стало гораздо теплѣе. Солнечные лучи въ нѣкоторыхъ закрытыхъ мѣстахъ сильно пригрѣвали.

— Заѣдемъ къ беку потомъ, но на самое короткое время, а

остановимся въ Чай-хайѣ, предложилъ я доктору, но онъ сейчасъ же запротестовалъ.

— Да развѣ это возможно, мы столько времени не спали человѣчески и поэтому прямо грѣшно не воспользоваться случаемъ; я вѣдь знаю — у бека отличныя кровати и даже на сѣткахъ. Значить будемъ отдыхать во всю, со всѣми удобствами.

Перебравшись черезъ девяти тысячный высокій перевалъ Камчиранъ, показавшійся намъ послѣ Сатырга чуть не ровною мѣстностью, мы скоро увидѣли почти сплошной рядъ кишлаковъ, раскинувшихся по долинѣ рѣки Кизилъ-Су. Кишлаки Артадъ, Хостъ, Сары-Намокъ и Сары-Пуль по сравненію съ небольшими селеніями по Хингоу и его притокамъ казались очень значительными съ многочисленнымъ населеніемъ.

Рѣки Шуръ-Оби, Чашма и Ассиабъ мы проѣхали даже не замѣтивъ ихъ и лишь шумъ Сурхаба вызвалъ невольное вниманіе, но въ наступившихъ сумеркахъ всѣ окрестности утонули въ сѣрой мглѣ и мы уже почти въ темнотѣ добрались до бекской калы, распахнувшей передъ нами широко и гостепріимно входныя ворота. Масса людей, встрѣтившихъ у воротъ во главѣ со старшимъ есауломъ Баши, освѣщенная свѣтомъ нѣсколькихъ ручныхъ лампочекъ, наглядно подтвердила о томъ, что насъ давно ждали.

Послѣ ночлеговъ на воздухѣ просторная комната михманъ-ханы съ двумя желѣзными кроватями и столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, казалась вполне привлекательною.

Въ эту ночь мы буквально утонули въ горахъ мягкихъ ватныхъ одѣялъ и подушекъ.

Сонъ былъ рѣзнокъ и спокоенъ.

*Д. Логофетъ.*

